

О СУБЪЕКТЕ «ПРАВА НА ПРИРОДУ». ИЛИ ЭКСПЕРТЫ-ПОСРЕДНИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ И В СОВРЕМЕННОСТИ*

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ladaship@gmail.com

Ф. Бэкон в работе *Новый Органон* предлагает проект новой науки, обеспечивающий стремление человеческого рода «овладеть своим правом на природу». В статье описывается работа над универсальным субъектом «права на природу» в двух исторических контекстах. Первый – возникновение новоевропейской науки. Здесь Бэкон играет роль эксперта-посредника, представляющего новый научный метод в его широкой общественной значимости. Его работа над универсальным субъектом «права на природу» описывается как соединение познавательных и политических аспектов научной деятельности. Второй контекст – современная ситуация после научно-технической революции, когда использование «права на природу» становится не только возможным, но и актуальным. Противоречия в деятельности эксперта-посредника, выявленные в первом контексте, служат основанием анализа современной ситуации взаимодействия науки и общества. Эксперт-посредник, соответствующий современному контексту неопределенности и конфликта ценностей, описывается через понятие «честного брокера политических альтернатив» Р. Пилке, а также через палитру видов экспертного знания, представленную исследователями STS. Показывается, почему представленного различия видов экспертного знания недостаточно для организации работы эксперта-посредника как «честного брокера». Выдвигается гипотеза о распределенной экспертизе, описывающей современную работу над субъектом «права на природу», определяются некоторые аспекты этой работы. Значение гипотезы распределенной экспертизы связывается с сохранением открытости проекта новой науки Бэкона.

Ключевые слова: Ф. Бэкон, эксперты, наука и власть, природа, современность

THE OWNER OF THE RIGHT OVER NATURE, OR EXPERT MEDIATORS IN THE MODERN ERA AND AT PRESENT

Lada V. Shipovalova – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

F. Bacon in his work *New Organon* proposes a project of a new science, which ensures the desire of human race “to recover its right over nature”. The article examines the work on the universal owner of “the right over nature” in two historical contexts. The first context determines the emergence of modern science.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: ladaship@gmail.com

Here Bacon plays the role of an expert mediator who introduces the new scientific method in its broader social meaning. His work on the universal owner of "the right over nature" combines and intersects the cognitive and political aspects of scientific endeavor. The second context covers the present situation after the Scientific-Technical Revolution, when the use of the "right over nature" becomes actual, and not only possible. The contradictions revealed in the first context in the activities of the expert mediator serve as the basis for analyzing the present situation of interaction between science and society. The author describes the expert mediator, corresponding to the modern context of uncertainty and conflict of values, through the concept of "honest broker of policy alternatives" by R. Pielke, as well as through the palette of expert knowledge types presented by the STS researchers. She shows why the presented differentiation of expert knowledge types is not enough to organize the work of an expert mediator as an "honest broker". In conclusion, she puts forward the hypothesis about distributed expertise, which can represent contemporary work on the owner of the "right over nature" and describes some aspects of this work. The author associates the significance of the hypothesis of distributed expertise with the preservation of the openness of the project of Bacon's new science.

Keywords: Francis Bacon, experts, science and power, nature, contemporaneity

Введение

Как бы ни трактовалась современная наука и проблемы, связанные с ней, внимание к событиям и идеям прошлого оказывается актуальным в той мере, в которой мы находим в них исток современности. Значение исторического исследования может состоять в том, что идеи мыслителей прошлого предоставляют возможный ответ на нынешние проблемы или, напротив, предъявляют вызов однозначности характеристик, определяющих образ современной науки. Таковы по большей части исследования в области современной исторической эпистемологии [Rheinberger, 2010; Касавин, 2020а, с. 180–195]. Разговор прошлого с настоящим, объединяющий позиции историка науки и эпистемолога, может оказаться не только значимым теоретически, но и востребованным практически, поскольку относится к прошлому как к основанию развития современной науки.

Обращение к наследию Ф. Бэкона, провозглашающего разрыв с традицией и продумывающего черты образа новой науки, обнаруживает исток ее современного понимания как социально-политического института, а также признания практической, даже инструментальной значимости ее результатов¹. Историко-эпистемологический

¹ Об идеях Бэкона, формирующих в нормативном и дескриптивном ключе образ современной науки, см. [Rossi, 1996]. Паоло Росси подчеркивает публичный,

ход в представленном исследовании, мотивированном юбилеем публикации *Нового Органона* Ф. Бэкона, предполагает не только и не столько герменевтическое соединение горизонтов начала новоевропейской науки и ее современного статуса. Он обращает нас к одному вопросу, неслучайно воспроизводимому в столь различных, но значимых для науки исторических контекстах. Повторение этого вопроса свидетельствует не только о сохранении его нерешенным, несмотря на актуальность, но о невозможности на него ответить раз и навсегда на теоретическом уровне. Вопрос рождает практическую задачу, требующую трансформации путей решения в различных исторических обстоятельствах.

Вопрос или, точнее, задача, которую Ф. Бэкон ставит перед своими современниками и перед нами, имплицитно присутствует в одном из тезисов, завершающих первую книгу *Нового Органона*. Бэкон пишет об определенном человеческом «домогательстве», связанном с «распространением могущества и власти самого человеческого рода по отношению к совокупности вещей». Это домогательство отличается достоинством от двух других, первое из которых, «низменное и подлое», «состоит в том, что люди стремятся распространить свое могущество в своем отечестве», а второе – в том, что люди «стремятся распространить власть и силу родины на все человечество» [Бэкон, 1978, с. 78]. Разумность и почтительность интересующего нас вида домогательства, осуществляемого посредством искусств и наук, — власти человеческого рода над совокупностью вещей — обосновывается не только ближайшим контекстом тезиса, но всем текстом *Нового Органона*. В этой работе Бэкон раскрывает смысл новой науки об открытиях, неведомой древним [там же, с. 9], определяет ее конечную цель: «благосостояние людей» и «открытие полезных дел» [там же, с. 32, 47], описывает основания надежды на успех нового проекта, устраняет несправедливые предубеждения, могущие препятствовать на его пути.

Возвышение указанного домогательства, на реализацию которого претендует новая наука, осуществляется Бэконом посредством соединения универсальности познающего (человеческий род), тотальности познаваемого (совокупность вещей) и абсолютной значимости цели (широкого практического применения результатов). Научные открытия и изобретения могут служить и производить благодеяния не только и не столько для конкретной общности, живущей в определенном месте и времени, но для всего человечества. При этом Бэкон особо подчеркивает свободный характер научных благодеяний, обогащающих без насилия, без того, чтобы принести хоть кому-то «обиду или печаль» [там же, с. 77]. Именно в силу такого тройного

демократический и коллаборативный характер нового образа науки, в которой всякое индивидуальное усилие ценно, поскольку имеет общественное значение [Rossi, 1996, p. 32].

универсализма ни претензия новой науки, ни способы ее реализации не должны быть скрыты от окружающих. Напротив, Бэкон видит одно из направлений своей работы в том, чтобы «призывать других для участия и сопутствия в трудах», пробуждая деятельность людей и воспламеняя их умы [Бэкон, 1978, с. 77]. В этом контексте возникает и вопрос-задача – каким образом может быть истолкован и какими средствами учреждаем «человеческий род» как субъект власти над совокупностью всех вещей или, как Бэкон формулирует чуть ниже, «права на природу» [там же, с. 79], неслучайным образом заинтересованный в организованной новой науке. Несложно увидеть, что в такой формулировке вопрос-задача, как, впрочем, и сам тезис, описывают регулятивный идеал, а не реальность научной деятельности и в силу этого становятся поводом для воспроизводимой в истории науки работы. Некоторые особенности такой работы в эпоху Ф. Бэкона и в современности будут предметом данной статьи.

Новое время в поисках субъекта «права на природу»: открытость науки и эксперты-посредники

Кажется очевидным, что, если научная деятельность может способствовать реализации амбиций всего человеческого рода, а ее результаты должны иметь широкую общественную значимость, существенной чертой образа новой науки, пестуемого Бэконом, должна быть открытость как самого знания, так и сообщества ученых, непосредственно причастных к его производству, распространению и применению. Однако здесь следует высказать сомнение, обратившись к известному пассажиру из *Новой Атлантиды*, где Бэкон описывает необходимость принятия решения членами Дома Соломонова о том, какие знания заслуживают обнародования, а какие следует хранить в тайне. При этом часть последних не должна сообщаться даже правительству. Любопытно, что основания принятия таких решений также остаются в тайне [там же, с. 517]². «Мы» авторитетного и авторитарного высказывания устроителя Дома Соломонова вряд ли можно непосредственно отождествить с «человеческим родом» в целом. Создается впечатление, что такое описание научной утопии, положенное впоследствии в основание реальной деятельности возникающих

² Таинственность Бэкона относительно мотивов сокрытия знаний приводит к различным истолкованиям. Так, эти мотивы могут трактоваться как этические – если ученые скрывают те открытия, которые могут принести вред обществу [Sergent, 1996; Rossi, 1996], или эпистемические, предполагающие профессиональную закрытость знания о «светоносных» опытах [Касавин, 2020б].

научных сообществ, как нельзя более отвечает образу науки как закрытой. Можно ли говорить об универсальном субъекте «права на природу», легитимирующем собственное домогательство превосходством цели – благосостояние всего человечества, – если сам человеческий род остается лишенным доступа к результатам, не ведает ни об основаниях решения об их обнаружении, ни о самом проведении исследований? Однако такому описанию и сомнению противостоит намерение Бэкона «доводить до сознания людей» идею новой науки [Бэкон, 1978, с. 77], а также завершающее *Новую Атлантиду* благословение на оглашение полученного знания другим народам [там же, с. 518]. Чем может быть объяснена такая неоднозначность в отношении Бэкона к идее открытости науки обществу?

Противоречивое истолкование открытости/секретности знания в начале Нового времени истории науки объясняют различием его видов: с одной стороны, знания теоретического, открытость которого почти не подвергается сомнению начиная с классической античности [McMullin, 1985, p. 14], и, с другой стороны, практического мастерства и технических навыков. Последнее служило основанием социальной роли ремесленника и потому должно было, будучи его собственностью, служить сохранению традиции, выражающейся в непосредственной передаче умений только верным ученикам [ibid, p. 16]. Образ новой науки, формируемый Бэконом, представляет науку о природе как *scientia operativa*, включающую раскрытие как истины, так и полезности исследуемых в ней вещей. Его проект предполагает обоснование соединения теоретического (открытого, всеобщего) характера натуральной философии и практического (бывшего ранее по преимуществу закрытым, частным) характера инструментального освоения природы, результаты которого, так же как и результаты ремесленных практик, должны получить широкую прикладную значимость³. Успешность проекта объединения теоретического и практического знания общим контекстом прикладной значимости результатов зависела от гармонизации или хотя бы соразмерения частных интересов группы специалистов, использующих знание закрытым образом, и всеобщих общественных интересов, предполагающих его открытость. То, что Бэкон оказывается противоречивым, делая первый шаг на этом сложном пути, далеко не случайно.

Следует отметить важный аспект социально-политического и социально-технологического контекста в Англии Елизаветинской эпохи, который может быть рассмотрен как условие успешности такого пути. Речь идет о неслучайном появлении в XVI в. таких субъектов знания, которых Эрик Эш называет «эксперты-посредники»

³ Питер Дээр пишет о двух дополняющих друг друга и конкурирующих элементах идеологии науки Нового времени – натуральной философии или созерцательно-го знания, а также инструментальности практического умения [Дээр, 2020].

[Ash, 2004, 1–19]. Дело в том, что централизация процессов государственного управления, а также необходимость решения на местах различных технических вопросов, связанных, скажем, с военным оснащением или строительством сооружений общественной значимости, рождали потребность в особых специалистах, осуществляющих посредничество между королевскими администраторами или корпоративными инвесторами и различными локальными ремесленными объединениями. Ответом на такую потребность было формирование особого социального слоя экспертов-посредников. Они были призваны обладать не только и не столько опытным знанием определенной деятельности (*experience*), сколько навыками или способностями осуществления этой деятельности с точностью и обстоятельностью (*skills*), а также более систематичным и фундаментальным знанием, позволяющим эту деятельность кодифицировать в различных инструкциях, текстах или выступлениях⁴. Эксперт в этом смысле мог осуществлять посредничество между опытным, но необразованным ремесленником и патроном-администратором, стремящимся определенное знание использовать. Условием такого посредничества между частным интересом ремесленника и государственным интересом администратора была способность формализации практического ремесленного знания, реализуемая новыми экспертами. Возникающее патронатное отношение, соединяющее опытное знание ремесленников, кодифицированное и систематизированное знание эксперта-посредника, а также административный ресурс патронов, было взаимовыгодным – эксперты-посредники и представляемые ими объединения ремесленников приобретали покровительство, а администраторы – знание, которое могло быть использовано для нужд правителя или государства. Так намечается преодоление разрыва между открытостью и всеобщим характером знания теоретического и закрытостью частного прикладного знания. Для ремесленника часто оказывается более выгодным открыть секреты ремесла и получить покровительство, чем практиковать свое мастерство частным образом [ibid., p. 15]. Эксперт-посредник при этом оказывается тем, кто одновременно демонстрирует как свое глубокое знание определенного вида деятельности, так и его публичную значимость.

Как в контексте этих процессов истолковывается проект *Нового Органона*? Бэкон начинает играть роль эксперта-посредника для самой научной деятельности, соединяя в своем проекте обобщенную

⁴ Э. Эш обстоятельно разбирает трансформацию употребления термина «эксперт» в XVI в., акцентируя внимание на том, что он перестает обозначать непосредственное опытное знание, но начинает относиться к знанию, оторванному от его непосредственного функционирования, формализованному и, в силу этого, способному к передаче в распоряжение тем «внешним» субъектам, которые могут решить, как это знание можно использовать в общих целях [Ash, 2004, pp. 10–11].

методологию исследований с обоснованием их общественной значимости и возможной востребованности государем и государством⁵. Общий недостаток видов знания, с которыми работает Бэкон, заключался в обособленности и закрытости, препятствующей не только их признанию в обществе, но и необходимости демонстрировать и воспроизводить доказательство, избавляясь таким образом от ошибок и заблуждений. Проект Бэкона оказывается систематизацией, улучшением, а также прояснением условий эффективности производимого наукой знания. Его сжатое представление научного метода для универсального применения может снизить зависимость исследовательского разума от исходного дарования [Бэкон, 1978, с. 73], снабдить его специальными орудиями для управления и «как бы механического» воспроизведения собственных действий [там же, с. 8]. Представляется, что противоречие между открытостью и закрытостью научного знания, присутствующее в текстах Бэкона, может быть объяснено его ролью, совмещающей различные позиции. С одной стороны, в эту роль включено стремление к закрытости научного знания и процесса его производства, которое присуще Бэкону как ученому, с другой, – стремление к открытости знания, объясняемой его универсальной полезностью для всех членов общества, в которой Бэкон как эксперт-посредник хочет убедить короля. Следует отметить, что внешнюю открытость, определяющую распределенность результатов познания у Бэкона, дополняет внутренняя открытость коллективного характера научной деятельности [Sargent, 1996; Gaukroger, 2004, pp. 1–10]. Однако внутреннее сотрудничество как способствует внешней открытости, задавая образец и показывая значение коммуникации и разделения труда, так и препятствует ей, устанавливая и закрепляя профессиональные стандарты деятельности становящегося сообщества ученых.

Итак, искомый универсальный субъект «права на природу» проблематичен, однако ясно, что он должен включать, во-первых, эпистемического субъекта производства и, возможно, сохранения знания, во-вторых, политического субъекта практических решений, использующего открывающееся знание в интересах общества и государства, и, в третьих, эксперта-посредника, организующего их взаимодействие. Ф. Бэкон в роли такого эксперта делает шаг к общественному распределению научного знания, однако этот шаг рождает два противоречия. Первое противоречие, остающееся актуальным и до начала XXI в., – между научными и государственными интересами в решении вопроса о том, какие из них будут ведущими в институциональной организации науки⁶. Второе – между двумя видами экспертного знания – опытным знанием специалиста, реализующего

⁵ Описание И.С. Дмитриевым работы Бэкона над созданием образа эффективной новой науки подтверждает такую интерпретацию [Дмитриев, 2015].

его в когнитивных и производственных практиках, и знанием эксперта-посредника, способного опытное знание репрезентировать в обобщениях и представлять для общественного использования в объективированной и безличной форме. Исследователи указывают, что часто различие между двумя видами экспертизы задает университетская образованность экспертов-посредников [Ash, 2004, p. 15]. Это различие служит основанием выстраивания иерархии, которая и у Ф. Бэкона пронизывает коллективный характер научного предприятия, включающий как специалистов, принимающих решения об открытии результатов, так и простых собирателей фактов и незаинтересованных свидетелей новых экспериментов, подтверждающих своим свидетельством его научность. Однако в целом экспертная посредническая деятельность служит возможности собрать весь человеческий род в осуществлении его «права на природу». Последнее соображение позволяет, хотя и с оговорками, не считать лицемерием подчеркивание Бэконом демократического характера создаваемого им образа новой науки.

Современность в поисках субъекта «права на природу»: на пути к распределенной экспертизе

Современная ситуация взаимодействия науки и общества с начала XX в. задается актуализацией того, что для Бэкона было идеалом, в воплощении которого им был сделан первый шаг. В *Новом Органоне* он пишет о различии тех, кто занимается наукой, и тех, кто изобретает и формализует ее [Бэкон, 1978, с. 10]. Вторые обеспечивают научный разум универсальным орудием, позволяющим исследованиям

⁶ Институционализация британской науки пошла по образцу, предложенному Ф. Бэконом в *Новой Атлантиде*, включающему отделение науки от государства, автономию научных исследований, относительно демократичный характер их осуществления. Путь формирования французской науки, также в некотором смысле воплощающий утопический идеал, описанный Бэконом, в части отношений науки с государством был противоположным. Оба пути не были лишены проблематичности. С одной стороны, активное финансирование со стороны государства и конкретные заказы, служащие в том числе возрастанию научной мощи, провоцировали большую эффективность французской науки [Дмитриев, 2016]. С другой, это не способствовало ее легитимации: общественное лицо французской науки «было бледным, несмотря на практические достижения» [Касавин, 2020б]. Заметим, что реформа немецкой науки и образования в начале XIX в. может считаться конструктивной попыткой гармонизации интересов научного общества и государства, что было совершено не без значимой работы немецких философов того времени в качестве экспертов-посредников.

совершаться как бы механически, без творческих усилий конкретного субъекта. Однако толпе, о которой неслучайно печется Бэкон, значение такого механизма изобретений будет понятно не сразу, а только в результате «практического применения» или «использования» органона. Применение должно сопровождать научную деятельность, стать неотделимым от нее, чтобы достоинство целей новой науки, служащей роду человеческому и производимой им, стало очевидным.

Именно это начинает определять науку в эпоху, которая была названа научно-технической революцией. Дж. Бернал во втором издании в 1957 г. своей работы *Наука в истории* отвечает на сомнения в том, что событие, сравнимое по значимости с началом новоевропейской науки, имеет место в XX в. Обосновывая свою позицию, он перечисляет общественно значимые научные открытия и изобретения XX в. и при этом показывает специфику революционных изменений, происходящих в современности. «Первая революция была действительным открытием метода науки, вторая лишь применяет его. Новый революционный характер двадцатого века не может быть ограничен наукой; он состоит, прежде всего, в том факте, что только в наше время наука начинает определяющим образом влиять на промышленность и сельское хозяйство. Эта революция может с большей справедливостью быть названа первой научно-технической» (цитирование по: [Teich, 2008, p. 135]). Наука в XX в. превращается в реальную общественную силу и сама становится инструментом легитимации господства. Нельзя сказать, что проект, описанный Бэконом, оказался реализованным во всех смыслах, однако проблематичность отношений между наукой и государством, а также между различными видами экспертного знания, присутствовала уже в начале проекта и сопровождает его в современности. Нас интересует как обстоят дела с современной работой над достоинством возвышаемого Бэконом домогательства, субъектом которого выступает человеческий род. Как может реализовываться в новых условиях деятельность эксперта-посредника, одновременно владеющего языком универсального научного метода и представляющего истинность и полезность этого метода для политических субъектов, способных организовать его применение в целях улучшения человеческой жизни?

Современное истолкование экспертного знания так же, как и в эпоху Бэкона, далеко от однозначности, хотя оказывается более развернутым. С одной стороны, экспертное (научное) знание трактуется как посредническое, обеспечивающее включение науки в решение практических вопросов [Peters, 2014]. При этом обсуждаются различные виды экспертного знания, служащего посредником между публикой и властью в процессах принятия решений. Интересующая нас экспертиза, осуществляемая учеными, подвергается сомнению в меньшей степени, поскольку ее когнитивный авторитет полагается достаточно легитимированным [Turner, 2001; Масланов, 2019].

С другой стороны, эксперты могут обладать различными навыками, в том числе навыками непосредственной работы руками [Grundmann, 2017, p. 26], а также особым опытом (*experience-based experts*) [Collins & Evans, 2002, p. 238]. Можно даже говорить о всеобщем экспертном знании (*ubiquitous expertises*) как некотором базовом уровне, над которым надстраиваются высшие ряды экспертиз [Collins, Evans, Weinel, 2016, p. 773]. Таким образом, в современности сохраняется, во-первых, возможность отличать экспертов, делающих нечто (например, производящих научное знание), от тех, кто обладает кодифицированным знанием правил или языка некоторых практик (*interactional expertise*), знанием, позволяющим взаимодействовать с теми, кто эти практики осуществляет [ibid., p. 770]. Во-вторых, в фокусе современных исследований экспертного знания оказываются различные способы взаимодействия научных экспертов (посредников) с субъектами власти и, соответственно, неоднозначность в соразмерении интересов науки и государства [Хабермас, 2007; Pielke, 2007; Saarela, 2019]. Оба различения, как было указано выше, возникли еще в начале становления новоевропейской науки. Раскроем их в общих чертах, чтобы заострить поставленную Бэконом задачу поиска универсальности субъекта «права на природу».

Взаимодействие научных экспертов и власти определяется многими обстоятельствами, однако в нашей ситуации важен контекст, задаваемый неопределенностью фактов, многообразием и даже конфликтом ценностей и желаемых сценариев решения той или иной общественно значимой проблемы и, в силу этого, риском при принятии решений [Funtowicz, Ravetz, 1992]. Именно такой контекст представляет собой существующий вызов готовому универсализму научного метода, представляемому в распоряжение власти экспертом-посредником. В такой ситуации могут быть уместны две роли (научного) эксперта или два способа включения науки в политическую жизнь – роль защитника проблемы (*issue advocate*) и честного брокера (*honest broker of policy alternatives*) [Pielke, 2007, p. 19]⁷. Первая роль связана с редукцией экспертом различных альтернатив к минимуму и предполагает возможность использования научной аргументации в контексте определенного политического курса. Несмотря на опасность политической (*politics*) ангажированности и принесения в жертву стремления к научной объективности, такая позиция может быть оправдана в условиях настоятельности принятия решений. Деятельность честного брокера предполагает иную страте-

⁷ Пилке отмечает различие между *policy* и *politics*, привычное для англоязычного исследователя, но скрытое за одним словом политика в русском языке. Коротко говоря, *policy* – это любые решения, принимаемые в различных общественных сферах, а *politics* – переговоры и компромиссы, ведущие к определенным желаемым целям [Pielke, 2007, p. 37].

гию включения научного знания в сферу политики (policy): расширение и прояснение альтернативных сценариев принятия решения, раскрывающих, насколько это возможно, интересы различных заинтересованных сторон. Представляется, что именно вторая позиция в большей степени отвечает искомому сценарию работы эксперта-посредника в заботе об универсальном субъекте «права на природу» в современности. Однако концептуальная отчетливость, формулируемая Пилке, не дает окончательной ясности относительно условий реализации роли «честного брокера».

Одним из таких условий служит определенность знания, которым владеет эксперт-посредник. В Новое время эксперт опосредует опытное знание субъекта, практикующего определенный вид деятельности (в случае Бэкона, научной), и интересы власти. При этом эксперт-посредник знает научную деятельность не менее глубоко, чем сам ученый, владеет ее правилами и способен их кодифицировать и представлять для внешнего использования. В этом пограничном статусе присутствует как надежда на гармоничное связывание позиций изнутри и извне науки, так и опасность впадения в противоречие, склонившись к интересам той или иной стороны. Такая двойственность знания, которым владеет эксперт-посредник, в современных исследованиях экспертизы и опыта (*studies of expertise and experience*) выражается посредством различия знания его непосредственных производителей (*contributory expertise*), а также знания тех, кто владеет языком и правилами практик этого производства и может его обсуждать (*interactional expertise*) [Collins, Evans, Weinel, 2016]. Авторы, эксплицирующие это различие, подчеркивают, как возможность для одного и того же субъекта быть экспертом двоякого рода, так и возможность разделения видов экспертного знания между разными субъектами в определенных ситуациях⁸. Чем сложнее и разнообразнее специализации научного знания, тем скорее следует говорить о таком разделении. Кроме того, осуществление роли честного брокера, представляющего субъектам власти альтернативные политические сценарии и позиции заинтересованных в принятии решения сторон, предполагает учет различных видов научного знания, включающих особое мнение научного меньшинства [Lynch, 2020], а также учет ненаучного, но все же воспроизводимого специального знания тех, кто обладает опытом в определенных сферах деятельности. В каждой конкретной ситуации может не оказаться под рукой специалиста в интерактивной экспертизе, способного кодифицировать и представить любое знание. Апелляция к интерактивной эксперти-

⁸ В этих случаях речь идет о «специальной интерактивной экспертизе», на которую может быть способен социолог, скажем, в биологической лаборатории, не осуществляющий при этом вклад в конкретное производство научного биологического знания [ibid., 778].

зе специалиста, знающего общий язык для различных практик, может помочь скорее в случае междисциплинарной научной коммуникации, но не в случаях публичной коммуникации науки, общества и власти, где общий язык проблематичен. То есть интерактивная экспертиза, представляя собой важный элемент деятельности современного эксперта-посредника, не может реализовываться ее полностью и должна быть дополнена иными видами экспертизы. Так возникает необходимость движения от универсального к коллективному субъекту экспертизы.

Выскажем гипотезу, подтверждение которой требует отдельного исследования и не будет произведено в данном контексте, о том, что для истолкования работы современных экспертов-посредников может быть использована аналогия с концептом распределенного познания (*distributed cognition*), введенным Э. Хатчинсом, предписывающим когнитивное разделение труда в контексте конкретных познавательных ситуаций [Hutchins, 1995]. Хатчинс описывает ситуации на военно-морском корабле, когда для получения знания, например о местоположении судна, или о возможности войти в гавань в сложной погодной ситуации, оказывается необходим учет информации от различных человеческих, технических, природных агентов, а также взаимодействие между ними⁹. Главенство в этом событии распределенного познания заранее не определено; многообразие учитываемых источников информации предписывается специальной инструкцией, однако ее субъект также не является ведущим в когнитивном смысле. Важным в этой ситуации распределения оказывается представление данных из разных источников и разделение труда между субъектами, эту информацию репрезентирующими. При этом люди как источники информации могут в локальной познавательной ситуации не знать способа работы конкретного технического устройства или всех закономерностей учитываемых природных процессов.

По аналогии с распределенным познанием может осуществляться и распределенная экспертиза, где различные виды экспертного знания и деятельности также дополняют, но не замещают друг друга, оказываясь основанием для возможных альтернативных практических решений, имеющих общественную значимость¹⁰. Важным в этой ситуации оказывается определенное и обоснованное разделение труда между различными экспертами, например, специалистами, облада-

⁹ Технические и природные (расположение звезд, сила ветра и др.) источники информации с необходимостью дополняют друг друга. Первые – могут сломаться, а вторые – оказаться временно недоступными.

¹⁰ Распределенная экспертиза может быть возможна и отчасти уже реализуется в дискуссиях о введении новых технологий [Guston, 2014] или, например, при обсуждениях трансформации территорий, занятых лесными массивами, в сельскохозяйственные угодья [Monteiro, 2017].

ющими опытом в конкретной сфере деятельности, профессионалами, производящими научное знание, посредниками, способными знание кодифицировать и соотносить его альтернативы, в том числе социологами, обладающими навыками ведения переговоров и выявления консенсуса или причин его отсутствия. Распределенная экспертиза не противостоит интерактивной, но включает ее, предоставляя ей необходимое место, определяемое ее ролью. Такое разделение экспертного труда может быть нормативным требованием при формировании эпистемических оснований для общественных дискуссий и политических действий. Честный брокер политических альтернатив тогда оказывается коллективным субъектом распределенной экспертизы.

Можно указать на некоторые взаимосвязанные факторы, обуславливающие представление и взаимодействие различных видов экспертного знания в распределенной экспертизе. Во-первых, имеет значение политическое признание конструктивного многообразия научных подходов, в том числе на данный момент далеких от доминирования. Доминирующая же научная теория, играя необходимую роль в экспертном разделении труда, оказывается открытой для внимания общества, профессиональных и непрофессиональных когнитивных практик. При этом именно эпистемологическое сообщество, также играя конкретную, но не априори ведущую роль в экспертном разделении труда, обсуждает и определяет критерии научности как своего рода пропуск в общее поле общественных дискуссий [Lynch, 2020]. Во-вторых, важен акцент на принципиальной культурной и социальной укорененности и, следовательно, относительности любого вида знания, в том числе научного [Wuppe, 1996]. Знание эксперта-профессионала не в меньшей степени, чем опытная экспертиза, может быть истолковано как лишенное полноты в силу отчуждения от непосредственного опыта. Соответственно, эти два вида знания также играют свою роль в разделении труда в распределенной экспертизе. В-третьих, существенна развернутая критическая и рефлексивная работа профессиональных экспертов, не только позитивным образом представляющих совокупность альтернатив, но и показывающих ограниченность того или иного сценария [Nisbet, 2014]. Такая экспертиза, имеющая критический философский характер, также должна иметь собственное место в распределенной экспертизе. В-четвертых, включение технических и природных агентов в распределенную экспертизу по образцу распределенного познания означает ничего более, чем способность человеческих экспертов репрезентировать технологии и природные вещи не только и не столько как однозначно определенные объекты использования, сколько как «полемические процессы» (Б. Латур), раскрывающиеся неожиданными сторонами, приводящие возможно к противоречивым следствиям.

Отметим в заключение еще одну черту, объединяющую новоевропейский и современный проект работы эксперта-посредника, где последний предполагает коллективного субъекта распределенной экспертизы. Оба имеют отчасти утопический характер, однако уроки истории демонстрируют скорое воплощение утопий. Гипотеза распределенной экспертизы, предполагая многообразие ее участников и видов, развивает тезис Бэкона о достойном домогательстве человеческого рода, овладевающего своим «правом на природу». Такое достоинство в современности может быть связано с признанием в том числе за природой права участия в дискуссиях о себе. При этом авторитет того, кто будет домогаться права защитника ее интересов, окажется безусловным.

Заключение

Ф. Бэкон в труде *Новый Органон* предлагает проект новой науки, сопровождающий и обеспечивающий стремление человеческого рода распространить свою власть по отношению к совокупности всех вещей и «овладеть своим правом на природу». Как сам проект, так и указанное стремление не были в полной мере реализованы ни в эпоху Бэкона, ни до сих пор, а изменяющиеся контексты предполагают трансформацию способов работы над искомым субъектом «права на природу». В статье было представлено два исторических контекста этой работы. Первый – контекст возникновения новоевропейской науки, в котором Бэкон играет ключевую роль в качестве эксперта-посредника, работающего над образом новой науки, включающим идею открытости и общественной значимости ее результатов. Второй контекст – современная ситуация, когда становится актуальным использование «права на природу», однако еще не снят вопрос об овладении им. Основные проблемы деятельности эксперта-посредника, связанные с идеями Бэкона, служили основанием анализа современной ситуации. Понятие эксперта-посредника в современности было раскрыто через концепт «честного брокера» Р. Пилке, а также через палитру видов экспертного знания, представленную исследователями STS. В завершении была предложена гипотеза о распределенной экспертизе для описания современной работы над субъектом «права на природу». Эта гипотеза сохраняет открытость проекта новой науки Бэкона, демонстрируя его незавершенность и указывая его перспективу.

Выражение признательности

Я хочу выразить искреннюю признательность анонимным рецензентам и главному редактору журнала И.Т. Касавину за их ценные замечания и комментарии, которые позволили значительно усовершенствовать текст статьи. Разумеется, это не снимает с меня личной ответственности за все возможные оставшиеся недочеты и заблуждения.

Список литературы

- Бэкон, 1978 – *Бэкон Ф.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 576 с.
- Деар, 2020 – *Деар П.* Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 29–62.
- Дмитриев, 2015 – *Дмитриев И.С.* Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институциональной науки) // Социология науки и технологий 2015. Т. 6. № 4. С. 9–33.
- Дмитриев, 2016 – *Дмитриев И.С.* В поисках эффективной институализации науки: свобода или контроль // Наука: испытание эффективности. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. С. 144–187.
- Касавин, 2020а – *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. М.: Весь Мир, 2020. 496 с.
- Касавин, 2020б – *Касавин И.Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14.
- Масланов, 2019 – *Масланов Е.В.* Зоны обмена в научных, религиозных и политических сообществах: сравнительный анализ // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 72–88.
- Хабермас, 2007 – *Хабермас Ю.* Наученная политика и общественное мнение // Ю. Хабермас техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 136–166.

References

- Ash, E.H. *Knowledge, Power and Expertise in Elizabethan England*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004, 265 pp.
- Bacon, F. *Sobranie sochinenij* [Collected Papers], vol. 2. Moscow: “Mysl”, 1978. (In Russian)
- Collins, H., Evans, R., Weinel, M. “Interactional Expertise”, in: U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, and L. Smith-Doerr (eds.) *Handbook on Science and Technology Studies*. MIT Press, 2016, pp. 765–792.
- Collins, H.M., and Evans, R.J. “The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience”, *Social Studies of Science*, 2002, vol. 32 (2), pp. 235–296.

Dear, P. "Istoriej chego javljaetsja istorija nauki? Istoki ideologii sovremennoj nauki v rannee Novoe vremja" [What Is the History of Science the History of? Early Modern Roots of the Ideology of Modern Science], *Logos*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 29–62. (In Russian)

Dmitriev, I.S. "Hromoj, obgonjajushhij beguna (Instauratio Magna Scientiarum F. Bjekona kak proekt sozdaniya jeffektivnoj instutualizovannoj nauki)" [The Cripple Outstripping the Runner (F. Bacon's Instauratio Magna Scientiarum as the Project of Effective Institutionalized Science)], *Sociology of Science and Technology*, 2015, vol. 6, no 4, pp. 9–33. (In Russian)

Dmitriev, I.S. "V poiskah jeffektivnoj instutualizacii nauki: svoboda ili kontrol'" [In search of effective institutionalization of science: freedom or control], in: L.V. Shipovalova (ed.) *Nauka: ispytanie jeffektivnostyu* [Science: Test of Effectiveness]. St. Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii, 2019, pp. 144–187. (In Russian)

Funtowicz, S. O. & Ravetz, J. R. "Science for the Post-Normal Age", *Future*, 1993, vol. 25 (7), pp. 739–755.

Gaukroger, S. *Francis Bacon and the Transformation of Early-Modern Philosophy*. Cambridge University Press, 2004, 262 pp.

Grundmann, R. "The Problem of Expertise in Knowledge Societies", *Minerva*, 2017, vol. 55, pp. 25–48.

Guston, D.H. "Understanding 'Anticipatory Governance'", *Social Studies of Science*, 2014, vol. 44 (2), pp. 218–242.

Habermas, J. "Onauchennaja politika i obshhestvennoe mnenie" [Scientific Politics and Public Opinion], in: *Technology and Science as 'Ideology'*, Moscow: Praxis, 2007, pp. 136–166. (In Russian)

Hutchins, E. *Cognition in the Wild*. MIT Press, 1995, 402 pp.

Kasavin, I.T. "Nauka kak politicheskij sub"ekt" [Science as a Political Agent], *Sociological Studies*, 2020, no. 7, pp. 3–14. (In Russian)

Kasavin, I.T. *Nauka – gumanisticheskij proekt* [Science is a Humanistic Project]. Moscow: Ves' Mir, 2020, 496 pp. (In Russian)

Lynch, W.T. *Minority Report: Dissent and Diversity in Science*. London; New York: Rowman & Littlefield Publishing Group, 2020, 380 pp.

Maslanov, E.V. "Zony obmena v nauchnyh, religioznyh i politicheskikh soobshhestvah: sravnitel'nyj analiz" [Trading Zones in Scientific, Religious, and Political Communities: a Comparative Analysis], *Sociology of Science and Technology*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 72–88. (In Russian)

McMullin, E. "Openness and Secrecy in Science: Some Notes on Early History", *Science, Technology, & Human Values*, 1985, vol. 10, no. 2, pp. 14–23.

Monteiro, M. "Scientists as Citizens and Knowers in the Detection of Deforestation in the Amazon", *Social Studies of Science*, 2017, vol. 47 (4), pp. 466–484.

Nisbet, N.C. "Engaging in Science Policy Controversies: Insights from the US Climate Change Debate", in: M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London and New York: Routledge, 2014, pp. 173–185.

Peters, H.P. "Scientists as Public Experts: Expectations and Responsibilities", in: M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London and New York: Routledge, 2014, pp. 70–82.

Pielke, Jr., R. *The Honest Broker: Making Sense of Science in Policy and Politics*. Cambridge University Press, Cambridge, 2007, 188 pp.

Rheinberger, H.-J. *On Historicizing Epistemology: An Essay*. Stanford University Press, 2010, 128 pp.

Rossi, P. "Bacon's Idea of Science", in: M. Peltonen (ed.) *The Cambridge Companion to Bacon*. Cambridge University Press, 1996, pp. 25–46.

Saarela, S.-R. "From Pure Science to Participatory Knowledge Production? Researchers' Perceptions on Science – Policy Interface in Bioenergy Policy", *Science and Public Policy*, 2019, vol. 46, iss. 1, pp. 81–90.

Sargent, R.-M. "Bacon as an Advocate for Cooperative Scientific Research", in: M. Peltonen (ed.) *The Cambridge Companion to Bacon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 146–171.

Teich, M. J. D. "Bernal the Historian and the Scientific-Technical Revolution", *Interdisciplinary Science Reviews*, 2008, vol. 33, no. 2, pp. 135–139.

Turner, S. "What Is the Problem with Experts?", *Social Studies of Science*, 2001, vol. 31 (1), pp. 123–149.

Wynne, B. 1996. "May the Sheep Safely Graze? A Reflexive View of the Expert – Lay Knowledge Divide", in: S. Lash, B. Szerszynski & B. Wynne (eds.) *Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecolog*. London: Sage, 1996, pp. 44–83.